

Наталья Третьякова

СМЕШИНКИ И ТРУСТИНКИ

Согревающие истории
о счастье, любви
и немного волшебном коте

Наталья Александровна Третьякова
Смешинки и грустинки.
Согревающие истории
о счастье, любви и
немного волшебном коте
Серия «Секреты счастья (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68896041

*Смешинки и грустинки. Согревающие истории о счастье, любви и
немного волшебном коте: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-154069-2*

Аннотация

Проблемы, проблемы, проблемы... А так хочется, чтобы кто-то понимающий просто взял за руку и сказал: «Давай вместе погрустим или посмеемся?»

«Смешинки и грустинки» как разговор с близкой подругой. Вот вы сидите на кухне пьете чай, или что-нибудь покрепче, и рассказываете друг другу истории. О любви, живущей даже после смерти, о неожиданных встречах, о курьезных случаях (ох, даже вспоминать неловко). О серьезных ошибках, о которых до сих пор жалеете, или решили не жалеть, и даже о коте, оказавшемся немного волшебным...

За такими разговорами можно и погоревать, и поохотать от души. И в итоге ощутить, как сердце исцеляется, морщинка между бровей разглаживается, плечи расслабляются, и вы почувствуете покой и тихую радость.

Содержание

Вступление	6
Часть первая	8
Дружочек Лев	9
Мао	16
Мусорный дозор	24
Извращенец	34
Я скандалов не люблю!	38
Саня, прекрати!	47
Тут такой случай был	52
Левша	57
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Наталья Третьякова
Смешинки и грустинки.
Согревающие истории
о счастье, любви и
немного волшебном коте

© Третьякова Н., 2023

© Унагаева К., фотография на обложке, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Вступление

Четыре года назад, будучи в декретном отпуске, я опубликовала в одной из соцсетей первый рассказ и тогда даже предположить не могла, чем это закончится.

В то время мой аккаунт насчитывал сотню верных подписчиков, которым нравились мои забавные фото с дочерью и коротенькие подписи к ним.

До декрета я трудилась в оптовой компании в должности финансового директора, буквам предпочитала цифры, а апогеем стремления к творчеству были стихи на дни рождения коллег. Дочь вмиг перевернула мою жизнь. И одним из ярких и удивительных изменений было непреодолимое желание складывать буквы в слова. Любая житейская ситуация заставляла меня задуматься о том, как ее можно было бы интересно пересказать.

У первых рассказов была непростая творческая судьба: они рождались в ночи, шлифовались под бульканье борща и бились в творческих судорогах под: «Где у кисы глазки?»

Соцсеть стала для меня окном в мир, потому что моя реальность сузилась до размеров квартиры и детской площадки. А публикуемые там рассказы – способом общения с этим миром. Самым удивительным для меня стало то, что они находили отклик у читателей. Они разлетались по интернету, люди находили меня в соцсетях, подписывались, чтобы чи-

тать.

За пару лет моя аудитория выросла от ста читателей до ста пятидесяти тысяч.

Однажды на мои рассказы в интернете натолкнулся редактор издательства АСТ и предложил собрать их в книгу.

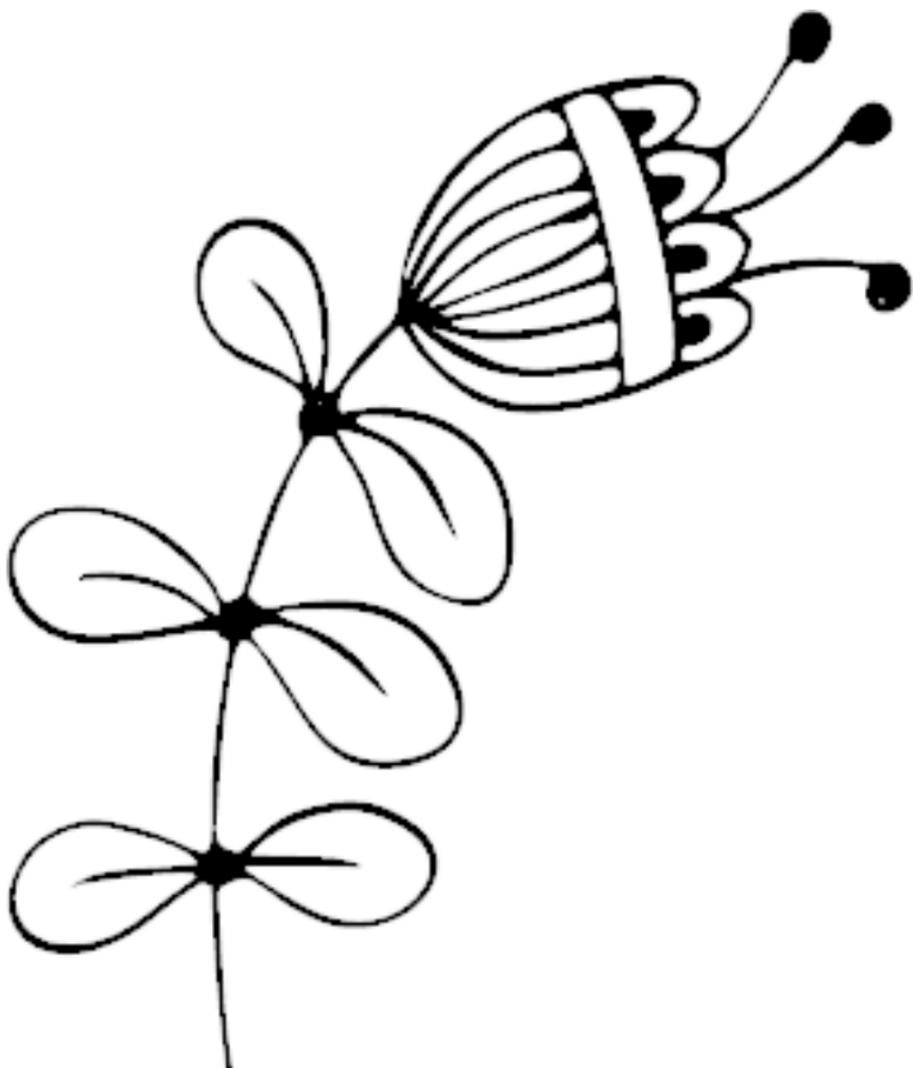
– Кто я такая, чтобы писать книги, – подумала я и решила отказаться.

Спасибо мужу и читателям, убедившим меня взяться за книгу.

Но самым решающим аргументом была записка из новогоднего печенья с пожеланиям: «Если ты хочешь что-то начать, то знай: лучшего момента, чем сейчас, не будет».

Каждый мой рассказ вдохновлен людьми или событиями, вызвавшими у меня эмоции – удивление, смех, грусть и даже слезы. Они о том, что жизнь продолжается несмотря ни на что, и лучшего времени, чем сейчас, не будет.

Часть первая
О том о сем

Дружочек Лев

Анна Владимировна устало присела на скамейку, вытянув больную ногу и пристроив палочку так, чтобы она не упала. Пакет с продуктами оказался неожиданно тяжелым, придется идти с передышками, хотя и недалеко до дома. Два года назад, как только восемьдесят исполнилось, Анна Владимировна сломала ногу, и пришлось месяц пролежать почти в неподвижности. После этого здоровье резко ухудшилось:

стала быстро уставать, появилась одышка, еще и кость срослась как-то там неправильно, нога при ходьбе болела.

Дочь ругала Анну Владимировну за то, что себя не бережет.

– Мам, ну мы же тебе все привозим, что ты ходишь по этим магазинам, сумки таскаешь. Не дай бог что случится или заразу в очереди подхватишь!

– Наденька, да скучно же дома сидеть. А в магазине на людей посмотрю, да и доктор сказал, что ходить все равно надо.

К лавочке приближался седой дедок, тоже с палочкой. Остановился и, галантно сняв кепку, спросил:

– Можно ли присесть рядом, сударыня?

– Пожалуйста, – придвинув поближе пакет, ответила Анна Владимировна.

Дедок кряхтя опустился на скамейку и выдохнул приглашающую к беседе фразу:

– Весна-то какая в этом году! Мои уже и картошку посадили.

– Не рано ли? – поддержала беседу женщина.

– Да тоже им говорю, подождали бы недельку. Вот, помню, посадили мы так рано, еще дача у нас на левом берегу была...

Неспешно потекла беседа двух незнакомых людей, а со стороны казалось, будто они дружная пара. Две палочки стояли рядом, две пары глаз шурились на солнце, две улыбки

не сходили с лиц.

Дедушку звали Львом Васильевичем, ему было восемьдесят, и был он уже десять лет как вдовец.

Старики обменялись телефонами и начали иногда встречаться. Не так, конечно, как молодые, а то в аптеку вместе сходить, то в магазин. Лев Васильевич на каждую встречу приходил с каким-нибудь сюрпризом: то пучок черемши подарит, то рыбку вяленую («сын поймал, засушил»), то сбор трав лечебный.

Анна Владимировна от такой заботы аж светилась, хотелось кружиться и бежать вприпрыжку. Если б не больная нога, может, и закружилась бы.

Летом стали вместе ездить к ней на дачу. В прошлом году, кроме картошки, там толком ничего не сажали, так как после перелома у пожилой женщины не было сил бороться за урожай, а детям это было не нужно. В нынешнем году вместе с Львом Васильевичем посадили клубнику и кое-какие овощи.

А осенью вместе собрали урожай и зажили дружно у Анны Владимировны. Несколько раз в неделю Лев ночевал у себя дома, так как у него было много цветов, требующих ухода, а перевозить их оказалось не с руки: такие огромные вымахали, в машину к детям не влезут, не грузовик же для них нанимать. Да и привык он к своей квартире, пятьдесят лет в ней прожил. Тянуло.

Дочь Анны Владимировны сначала настороженно воспри-

няла новость, что старики съехались. Время такое, кругом мошенники, дед этот ниоткуда взялся.

А потом даже обрадовалась: мать расцвела, про больную ногу почти не вспоминала, вечно хлопотала на кухне, чтоб своего Льва вкусненьким порадовать.

Дети пожилой четы познакомились между собой, иногда созванивались, кто каких продуктов привезет старикам, встречались на общих праздниках, оставляли внуков.

Так прошло четыре счастливых года, а на пятый у Льва Васильевича случился инсульт.

Анна Владимировна выхаживала его изо всех сил, боясь потерять только обретенное семейное счастье.

Постепенно он почти восстановился, только речь осталась слегка невнятной, плохо слушалась правая рука и усилилась хромота. Но по-прежнему они гуляли каждый день, хоть и шли очень медленно, сидели на лавочках, кормили голубей. Несколько дней в неделю дедушка так же проводил в своей квартире, поливал цветы, заходил в гости к старому товарищу из соседнего подъезда. Анна Владимировна привыкла к такому ритму, зато успевала соскучиться по своему Льву, как будто он на месяц уезжал.

Как-то раз Анна Владимировна разоткровенничалась с дочерью:

– Ох, Надя, такого дружочка душевного мне бог на старости лет подарил, а я вместо того, чтоб радоваться, переживаю, что он помрет раньше меня.

– Мам, да не думай ты об этом. Смотри, он так после инсульта восстановился, как у молодых не получается. Еще до ста лет доживет твой Лев.

Наступил апрель, на удивление снежный и холодный. Анна Владимировна пила чай, только что проведив Льва Васильевича «в командировку» поливать цветы, и почему-то вспомнилась ей та весна, когда они познакомились. Теплая, ранняя, в это время дети Льва уже картошку посадили.

Внезапно почувствовав головокружение, решила прилечь.

Дойдя до дивана, поняла, что задыхается.

– Сейчас полежу, и все пройдет, – успокаивала себя, но становилось только хуже, дышалось труднее.

Дотянувшись до табуретки, на которой лежал старенький сотовый телефон, позвонила дочери.

– Надя, мне плохо, дышать не могу. Вызови мне скорую. Только Льву не звони, не надо его волновать.

Надя жила недалеко, в десяти минутах езды на машине. Одеваясь, вызвала скорую и помчалась к матери. Если та согласилась на помощь врачей, которых не любила, как и больницы, значит, дело и вправду плохо. Даже когда ногу сломала, надеялась, что просто ушиб, и полдня терпела боль, пока не раздулся отек.

Залетев в квартиру и скинув на ходу кроссовки, бросилась к матери, поразившись бледности ее лица и тяжелому дыханию.

В этот момент позвонил домофон – скорая приехала. Надя оставила дверь в квартиру открытой и вернулась.

– Скорую вызывали? – послышалось в прихожей.

– Проходите, – выглянула в коридор Надя. – Вот, маме плохо. Задыхается.

И тут поняла, что шумного мамино дыхание не слышно. В квартире повисла тишина, которую нарушил звонок маминого телефона. Звонил Лев.

Похороны назначили через неделю. Льву Васильевичу никто не решился сообщить страшную новость. Наврали, что маме стало плохо, отвезли в больницу, а телефон она забыла дома. Посещения в больнице запрещены из-за ковидных ограничений, телефон передадим на днях. Успокоили как могли. Боялись нового инсульта. Договорились, что расскажут ему накануне похорон.

На следующий день после смерти Анны Владимировны Лев Васильевич позвонил Наде:

– Здравствуй, Наденька. Есть новости по маме? Мне сегодня приснилось, что Аню завтра выписывают, и она попросила меня приехать и привезти ботинки с широким голенищем, а то ноги что-то отекли. У нас, ты знаешь, с ней телепатия, она только подумает, а я уже и так знаю.

У Нади перехватило дыхание.

– Надя, алло, алло, не слышно тебя!

– Лев Васильевич, я вам через минутку перезвоню, – хрипло прошептала Надя и, бросив трубку, разрыдалась.

Кое-как успокоившись, решила открыть правду сейчас, эта затея с враньем была заранее провальной. Сказать все равно придется. Чему быть, того не миновать.

Позвонила, но ответа не было.

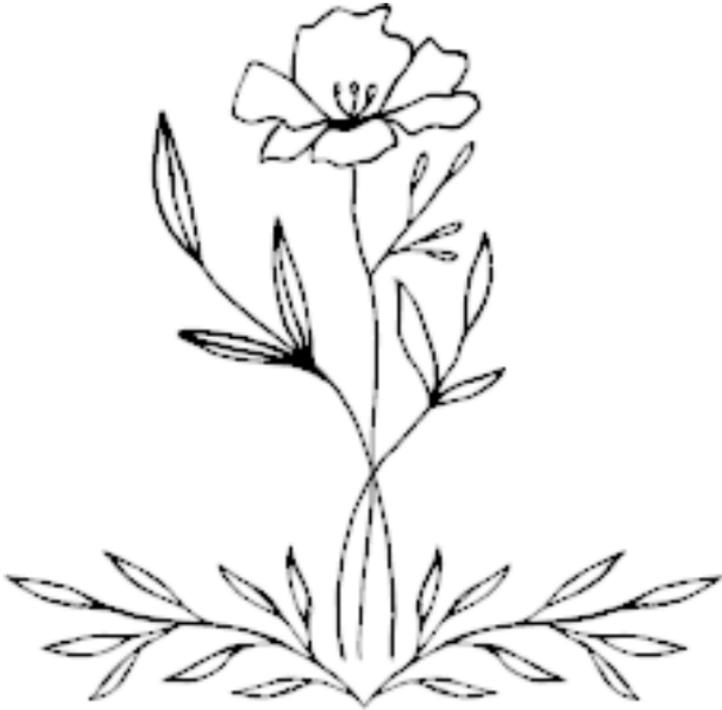
На следующий день Льва Васильевича нашел сын, обеспокоенный тем, что не смог дозвониться. Дедушка лежал на диване, с первого взгляда казалось, будто спит.

В прихожей, упакованные в пакет, стояли приготовленные для Анны Владимировны ботинки с широким голенищем.

– Забрала Аня своего Льва с собой, чтоб не скучал, – шептались старики на похоронах.

Похоронили пару в один день под общим памятником. Ботинки те тоже положили, мало ли...

Мао

Алена выскочила из автобуса и быстрым шагом пошла к магазину, на ходу вытаскивая из сумки связку ключей. Она работала товароведом, совмещая должность кассира в маленьком продуктовом магазинчике, и в ее обязанности входило открывать и закрывать магазин.

У дверей уже ждал охранник, по совместительству дворник, вместе с которым они были трудовым коллективом

магазина, и какой-то помятый дядька, которому явно с утра требовалось опохмелиться. Пока возилась с замком, он нетерпеливо переминался с ноги на ногу, шмыгал носом и тяжело вздыхал, а рядом с ним спокойно и даже с достоинством сидел большой рыжий кот.

Алена метнулась в подсобку, чтобы надеть форменную жилетку, и споткнулась о кота, который незаметно прошмыгнул вместе с ней и теперь невозмутимо разлегся посреди заваленного коробками помещения.

– Посторонним сюда нельзя, – подтолкнула кота ногой в сторону выхода.

И крикнула в торговый зал:

– Мужчина, кота своего заберите!

– А это не мой кот, – возразил мужчина. И добавил: – Мне полторашку светлого.

– Володь, – обратилась Алена к охраннику. – Разберись с котом, а то, не дай бог, Анна Владимировна заедет, за кота нам влетит.

Ей уже мерещился голос Анны Владимировны, хозяйки магазина: «Это ж антисанитария, а у нас тут продукты, вот насыт вам на мешок сахара, сами потом его и купите!»

Володя подошел к коту, который терся об Алены ноги, взял за шкурку и вынес на улицу.

Вечером, закрывая магазин, Алена увидела кота. Он сидел чуть в сторонке от крыльца, но, завидев ее, поднялся и, подойдя поближе, снова сел, уставившись огромными желты-

ми глазами. Кот был крупный, полосато-рыжий, с большой лобастой головой и забавными пушистыми усами, торчащими в разные стороны.

– Ты что, так и сидел здесь весь день? – ласково удивилась женщина.

Кот басовито мяукнул и начал тереться о ноги.

– Нет, мой хороший, в доверие даже не втирайся, мне тебя взять некуда.

Порывшись в пакете, достала кольцо «Краковской», купленной к ужину, отломил кусок и положила перед котом.

– На, поешь, а мне на автобус пора.

И побежала на остановку.

Уже дома, вернувшись от матери, вспомнила про кота: что он тоже рыжий, как она и сын. Вернее, каким был сын. Игору не стало ровно год назад, разбился на мотоцикле, что они с мужем подарили ему на восемнадцатилетие. Алена была против такого подарка, но Игорь бредил мотоциклом, да и муж был не против. Подарили в марте, а в июне их единственный сын погиб.

За этот год Алена прошла долгий путь: от человека, не желающего больше жить, до человека, строящего планы на будущее. Пусть и безрадостные планы на безрадостную жизнь.

Подала на развод, брак не выдержал испытания горем и развалился на части мерзлыми кусками, остались только боль и альбомы с фотографиями счастливой семьи. Договорилась с подругой, переехавшей в Питер год назад, что при-

едет к ней пожить, найдет работу и снимет квартиру, дальше видно будет.

А сегодня, в годовщину, сказала родителям, что уезжает через три недели. Билеты уже куплены, на работе заявление на увольнение написано. Нет никаких сил жить в этой квартире, где он вырос, гулять по тем же улицам, что и он, проходить мимо его школы, встречать его бывших одноклассников и друзей. Невыносимо.

Утром кот так и сидел около крыльца магазина, как будто и не уходил всю ночь.

– Привет, котяра. Зря я тебе, видимо, колбасы вчера дала, будешь теперь здесь отираться.

Кот сделал неуверенный шаг к Алене, но она топнула ногой, и он остался на месте.

Днем кот несколько раз забегал в магазин вместе с покупателями, но Алена с охранником выпроваживали назойливого гостя. Вечером Володя посадил кота в машину и повез в приют для животных по совету кого-то из покупателей.

Алена работала по графику два через два. И первое, что увидела, вернувшись после выходных, – рыжего кота.

Одно ухо у него было в крови, на морде царапины, но все так же невозмутимым сфинксом он сидел около крыльца.

– Володя, ты же обещал его отвезти? – с нескрываемым раздражением спросила Алена.

– Отвез, час в пробке стоял. Они вообще брать не хотели, мест нет. Я уговорил, денег на корм дал.

– И как он вернулся, что-то не пойму? У него навигатор там встроенный, что ли? – удивилась женщина.

– Не знаю, там километров десять точно.

– Ладно, заходи, – кивнула коту. – Перевязать тебя надо.

Кот с достоинством прошел в магазин и улегся около рабочего места Алены. Она принесла аптечку, достала антисептик и склонилась над «пациентом», осматривая повреждения.

– Нормально так тебя потрепали, – протирая царапины смоченным в антисептике бинтом, приговаривала женщина. Кот, зажмурившись, терпел.

Достала из пакета контейнер с тушеной картошкой, которую принесла себе на обед, и пару сырников со сметаной, выложила в одноразовые тарелки и поставила в углу подсобки.

Кот неторопливо подошел, как будто нехотя, обнюхал угощение и приступил к трапезе. Он ел почти час, по итогу оставив тарелки идеально чистыми, как будто в них и не было ничего. Вышел из подсобки, присел у ног Алены и еще час умывался и вылизывался.

– Володя, давай объявление напишем, повесим на входе и на кассе. Может, кто кота заберет. Анны Владимировны сегодня и завтра не будет, уехала она, так что пусть пока кот в магазине побудет.

Кот весь день усиленно терся об Аленыны ноги, и ей казалось, что скоро у нее появятся мозоли, а у него – лысина.

– Надо как-то тебя назвать, рыжая морда. Может, подска-

жешь?

– Ма, – пробасил кот.

– Ок, будешь Мао, умный был дядька, да и ты вроде не дурак.

К вечеру кот освоился и перебрался на колени к Алене. Тарахтел, как трактор, подсовывая голову под руки, чтоб гладила.

– Мао, ты клинья-то не подбивай, у нас с тобой ничего не получится. Уезжаю я, а тебя бы пристроить в хорошие руки.

– Так этого кота отдаете? – спросила пожилая женщина, их постоянная покупательница, несколько минут назад вошедшая в магазин.

– Ага, этого. Прибился к магазину.

– А мышей ловить умеет?

– Да кто ж его знает.

– Ну давайте, помогу вам, заберу в деревню к себе. У меня уже есть кот, да и ладно, подружатся.

Алена с Мао на руках вышла на улицу, подождала, пока женщина усядется в кабину небольшого грузовичка, за рулем которого сидел мужчина с пышными усами.

– Смотри, Мао, у дяденьки усы, почти как у тебя. Это хороший знак, – и передала кота женщине.

Потом дни полетели один за другим, до отъезда оставалось совсем немного времени, а список дел все еще был внушительным. В последний рабочий день Алена шла на работу с легкой грустью. Столько лет здесь проработала, многие по-

купатели стали почти как родные, все было так удобно и привычно, даже каждую щербинку тротуарной плитки от остановки до магазина знала наизусть.

Еще издалека увидела какой-то серый комок у крыльца. То ли камень, то ли пакет, хорошим зрением Алена не отличалась.

Уже подойдя ближе, вздрогнула, поняв, что это не пакет.

Это был Мао – серый от пыли, худой, он лежал около крыльца, но, завидя ее, пошатываясь, поднялся.

– Ты как здесь оказался? Тебя же в деревню увезли?

Открыв дверь, впустила кота в магазин.

Через несколько минут зашел Володя и обалдело уставился на Мао.

– Он не мог дойти, там шестьдесят километров. Или, может, они его не забрали?

Мао накормили, и он уснул. А когда проснулся, то ходил как привязанный к Алене, ни на сантиметр не отдаляясь от ее ног.

– Алэн, это твой кот. Он же не в магазин приходит, а к тебе, – задумчиво сказал Володя.

Вечером, закрыв магазин, Алена взяла кота и отправилась домой. За день он выспался, умылся и вновь стал рыжим и похожим на себя, хоть и изрядно отощавшим.

Пока ехала, смотрела в темноту за окном автобуса и раздумывала, что же ей теперь делать с этим рыжим хвостом. Родителям оставить? Ну не тащить же его в Питер, смешно,

ей-богу.

Со стороны они выглядели колоритно: женщина с ярко-рыжими волосами, которые она специально подкрашивала хной для насыщенности цвета, и большой рыжий кот на коленях.

Зайдя в квартиру, Алена включила свет и отпустила кота на пол. Пока разувалась, он куда-то убежал.

– Мао, ты куда подевался? – заглядывая под диван и кресла, удивлялась Алена. Увидев приоткрытую дверь в комнату сына, вошла, включила свет. Кот сидел на диване и пристально смотрел на нее желтыми глазами.

– Мао, ты уже себе комнату выбрал?

– Ма, – не сводя с Алены желтых глаз, ответил тот.

Назавтра днем позвонил Володя и рассказал, что в магазин приходила женщина, забравшая тогда Мао. Он у них переночевал, а на следующий день пропал. Получается, неделю шел до города. Как знал, куда идти, непонятно.

* * *

В кресле самолета, у окна, сидела рыжеволосая женщина, на руках у нее была переноска с большим рыжим котом.

Весь полет, два часа, женщина что-то рассказывала коту, и со стороны казалось, что они спокойно беседуют: она спрашивает, он отвечает.

Мусорный дозор

Олег медленно шел по заросшей тропинке вдоль дома, всматриваясь в траву, хотя Джולי изо всех своих хлипких сил тянула его вперед, натягивая поводок. Олег искал бутылки.

По опыту он уже знал: если на земле лежит стеклянная бутылка, то не пройдет и нескольких часов, как она превратится в кучу осколков, о которые обязательно изрежет лапы

той-терьер Джоли. Только вот зажил последний порез на его вечно трясущейся недособаке.

В этот район он переехал пару недель назад и все еще не мог привыкнуть к белью, висевшему на веревках посреди двора, детской площадке, заполненной шумными подростками, оставляющими после себя бычки и пустые бутылки, лавочкам с бабульками, что смотрят на тебя пронизывающим взглядом следователя НКВД.

Вокруг четырех старых пятиэтажек взметались ввысь многоэтажные новостройки, сжимались в кольцо многоуровневые развязки, а обитатели двора как будто и не знали, что мир сейчас другой. Что где-то сортируют мусор, убирают за своими собаками и не орут под гитару по ночам.

Эта квартира в старой пятиэтажке досталась ему от бабушки, ушедшей много лет назад. Здесь жили родственники. Недавно они съехали, и он решил продать наследство. Но жизнь распорядилась иначе: Олегу срочно понадобилось жилье.

Две недели назад он в очередной раз поругался с женой, с который прожил девять лет. Бытовая ссора неожиданно переросла в перепалку, где каждый, не жалея другого, безжалостно резал и хлестал словами. Последнее время они с Катюхой часто ругались. Причин было множество, и все, по мнению Олега, не стоили и выеденного яйца: то не позвонил он ей ни разу за весь день, то забыл картошку купить, то дверцу шкафа не закрыл. Эта дверца шкафа стала камнем

преткновения и поводом для бесконечных скандалов. Возьми да закрой сама, делов-то, но нет, будет ходить и зудеть.

Говорит, давай к семейному психологу вместе запишемся, а Олегу казалось, что это блажь какая-то, знает он этих психологов – шарлатаны все.

В этот раз эта несчастная дверца шкафа открыла портал в ту темноту, куда они еще не заходили. Припомнили друг другу все, дошли даже до того поцелуя в коридоре студенческой общаги, свидетелем которого стала жена, еще не будучи женой. Даже и невестой еще не была, да что невестой, девушкой его еще не была, так, поцеловались разок. А потом поцеловался с другой, ну чтоб уж наверняка понять, какая больше нравится.

Но женился-то на ней, на Катерине своей. И не изменял, и любил. И любит...

– Если тебя все время как будто нет, я и так все сама решаю, сама о себе забочусь, то зачем мне вообще такой муж? – с перекошенным лицом орала Катерина.

– Да и правда, зачем?

Покидал носки, трусы в пакет, забрал Джоли и ушел.

Думал снять квартиру в нормальном районе, но пока ни сил, ни желания на поиски нового жилья не было. Искать не хотелось еще и потому, что ему нравилось здесь.

Нравилось рассматривать старые бабушкины альбомы с фотографиями маленькой улыбчивой девочки – его мамы. Нравилось курить на балконе и смотреть, как соседка тря-

сет белье и развешивает на веревках, прижимая его потемневшими от времени деревянными прищепками. Такими же, какие у его бабушки, когда он был совсем мелким пацаном.

Нравилось наблюдать, как ходят по двору стаи наглых голубей, которые, если зазеваться, могут выхватить из рук что-то съестное. Особенно их привлекали дети с вечными булками и печеньками в руках. Птицы применяли даже тактические ходы, отвлекая обладателя булки, а потом вероломно выхватывали ее из детских рук. Нравилось смотреть, как режется в домино компания дедков, азартно перекрикивающих друг друга и прячущих под столом полторашку пива от всевидящих женских глаз, которые все равно замечали и изымали.

– Себя не бережешь, пенсию побереги! И так на твою поджелудочную бешеные деньги уходят! А эти и рады спаивать, уууу, алкаши! – попадали под горячую руку товарищи пойманного дедули.

Все это на фоне цветущих кустов, деревьев, клумб с лебедями из шин и палисадниками за белым заборчиком. Словно попал в старое кино.

Однако в с виду мирном дворе шла непрекращающаяся война, невидимая глазу граница разделяла двор на две враждующие стороны. Четыре дома – две мусорные площадки, вроде бы все логично и удобно. Но мусорные баки стояли так, что жителям одного из домов было проще бросать мусор в баки соседей, удобно расположенные по пути на остановку.

– Это наш мусорный бак, и мы за него платим! – с таким девизом активисты дома в лице нескольких боевых старушек защищали свою собственность. Штаб бабушкового дозора был организован на ближайшей к мусорным бакам лавочке. Любые посягательства непреписанных к этой мусорке граждан предупреждались еще на подходе к охраняемому объекту.

Олег был не в курсе мусорного конфликта.

Он брал на прогулку с собакой мешок для мусора и собирал в него валяющиеся на земле осколки стекла и бутылки. А по пути домой выбрасывал его в ближайший мусорный бак.

Сегодня, запустив зазвеневший бутылками мешок в мусорку, услышал сердитый окрик.

– В свою мусорку бутылки свои несите! Алкаши эти совсем обнаглели!

– Это вы мне? – Олег удивленно повернулся на голос и увидел компанию бабушек на лавочке. Все в кофтах и беретах, несмотря на летнюю жару.

– Ну а кому? Вы же из двадцатого дома? – хором спросили береты.

– Да.

– Ну так и выбрасывайте свой мусор в свои баки! Вон там они, – раздраженно указала палочкой самая бойкая бабушка, видимо, идейный вдохновитель мусорного дозора.

– Так я этот мусор за вашим домом собрал. Может, мне его вообще к себе домой отнести? – начал заводиться Олег.

Джоли затряслась, спряталась за Олегову ногу и истерично залаяла, решив внести свои доводы в спор.

– Собрал он, ага. В магазине собрал и в себя залил пойло это. А собака должна гулять в наморднике, дети кругом, а если покусает? Вон она какая злобная.

Олег, поняв, что толку от дискуссии не будет, взял Джоли на руки и, молча развернувшись, пошел домой.

Через несколько дней, опять собрав за домом несколько бутылок, он демонстративно, на глазах у мусорных беретов, выбросил их в бак.

– Мужчина, вы по-русски понимаете? У вашего дома есть свои баки, в них свои бутылки выбрасывайте! – взвилась старушка, которую Олег про себя называл главарем мусорного дозора.

– Это ваши бутылки, я собрал их за вашим домом и выбрасываю в ваш бак.

– Не, ты посмотри, Люба, наши бутылки! Может, мы их с тобой выпили, да не заметили? – распялялась бабушка, потрясая палочкой.

– Может, и выпили, да забыли, – включился в игру Олег. – Память-то уже не та.

Бабули сначала онемели от такой наглости, а потом предводительница пошла с козырей:

– Полицию надо вызвать, пусть разбирается с этими алкашами и собаками их бешеными!

Олег шел домой, по пути вспоминая старый анекдот, что

пусть лучше бабули думают, что соседка проститутка, чем узнают, что она терапевт. Он работал врачом на скорой помощи и по опыту уже знал, что в этой шутке доля правда есть. Пусть лучше буду алкашом.

На следующий день у Олега была смена, вызовов было много, стояла жара, не дающая облегчения даже ночью, пожилые слегли с давлением, дети – с инфекциями, отравлениями и солнечными ударами.

Последний вызов был не из их зоны работы, но диспетчер попросила съездить:

– Бабуля там помирает, дед ее уже раз сто позвонил, а другая машина еще не скоро освободится.

Вызов, как оказалось, был в соседний от Олега дом.

В дверях его встретил дедок, Олег его сразу узнал – тот доминошник, у которого поджелудочная. Профессиональная деформация такая – запоминать людей по диагнозам.

Старик, шаркая тапками, провел Олега в комнату и засуетился вокруг дивана, на котором лежала старушка.

Поправил одеяло, откинул уголок простыни, приглашая Олега присесть.

Старушку Олег тоже узнал, это была та самая боевая предводительница вязаных беретов. Только вот выглядела совсем не по-боевому: по лицу растеклась зеленоватая бледность, глаза полуприкрыты почти прозрачными веками.

– Давление вот шибануло, еле дышит, – запричитал дедок. И срывающимся голосом добавил: – Помогите, первый раз

такое, словно не узнает меня.

– Давно, как вы говорите, шибануло? – деловито спросил Олег, осматривая бабушку.

– Часа три назад, вы на вызов-то не шибко спешили, – упрекнул старик. – Сначала голова сильно болела, а потом вот.

– Госпитализировать надо, – проигнорировав упрек, сказал Олег. – Похоже, инсульт.

Старик, сдавленно охнув, прошаркал в другую комнату и оттуда зашуршал пакетами, собирая вещи в больницу.

Санитаров на скорой уже давно нет, а нести бабулю до машины как-то нужно. Дедок явно тут не помощник.

Олег вышел на лестничную клетку и постучал сразу в три соседние квартиры. Двери всех трех открылись почти одновременно – две бабули и жующий мужик в трикошках и майке.

– Помогите бабушку до скорой отнести, носилки есть, – обратился Олег к мужику.

Тот, вздохнув, кивнул и, как и был, в тапках и трико, вышел на лестничную клетку. Бабули тоже вышли:

– Семеновне, что ль, плохо? – всполошились они, заглядывая в квартиру.

Пока Олег с соседом тащили носилки, дедуля поддерживал бабуле ноги и все пытался прикрыть ее байковым одеялом, так и норовящим сползти.

В приемном покое больницы, передав больную, Олег со-

брался уезжать, но дедок его задержал:

– Вы, это, может поговорите с врачом, кому там что заплатить, чтоб хорошо помогли, полечили бабушку мою, – голос его дрожал. – Я сниму с книжки, – всхлипнул старик.

– Да не переживайте, нормально все будет. И без денег вылечат вашу бабушку.

Но утром написал сообщение приятелю-врачу из неврологического отделения: «Трофимова к вам поступила, соседка моя, нормально с ней?»

Приятель успокоил: «Бабуля еще тебя переживет».

* * *

Как-то промозглым осенним вечером, покуривая на балконе, Олег услышал знакомую брань:

– Алкаши! Сидят тут! Думаешь, не вижу? Вот помрешь, похороню тебя в фанерном гробу, потому что все деньги тебе на лекарства ушли! У этих вон глотки луженые, а у тебя поджелудочная!

Олег затушил сигарету и позвал Джоли:

– Пойдем, поздороваемся с тетей одной.

Прогулявшись за соседним домом и набрав в пакет несколько бутылок, Олег направился к лавочке, на которой в полном составе сидел мусорный дозор, только уже не в беретах, а в плотных вязаных шапках.

– С выздоровлением! И возвращением! – улыбнувшись

и помахивая позвякивающим пакетом, Олег прошел мимо охраняемых баков и понес пакет в «свою» мусорку.

– Ишь, вежливый стал! Полиции, небось, испугался!

Дома, в очередной раз ударившись лбом в открытую дверцу шкафа, Олег достал телефон и написал сообщение Кате:

«Я соскучился, мне плохо без тебя. Пошли к твоему психологу, только обещай, что, когда умру, не похоронишь меня в фанерном гробу».

Извращенец

В одном маленьком северном городке много лет назад произошло грандиозное событие столичного масштаба: город обзавелся своим личным извращенцем.

Извращенец был самый настоящий, гулял в местном парке в длинном плаще, время от времени распахивал его, чтоб продемонстрировать приглянувшимся дамам свое горячее сердце и прекрасную терморегуляцию организма, которому

нипочем холод и ветер. Поэтому организм без трусов.

Дело было в мае, когда северная весна в самом разгаре. Красота, но подснежников еще не было, потому что снег растаял только до уровня первого этажа.

Прохладно, в общем. Что не мешало извращенцу нести в массы факел эротического просвещения.

Дело происходило во времена СССР, из эротического на телевидении показывали только влажные поцелуи вождя, поэтому появление извращенца всколыхнуло светскую жизнь города. Всем хотелось своими глазами заглянуть в бесстыжие глаза извращенца и под его плащ. Все лавочки в парке были заняты компаниями молодежи, которые в ожидании извращенца исщелкали килограммы семечек и скурили пачки сигарет.

Но он был неуловим. Видели его только избранные, они и передавали рассказы из уст в уста. Кто-то утверждал, что он носит серую шляпу, кто-то – что капюшон, кто-то даже опознал носки фабрики «Большевичка» по сползшим резинкам, но насчет других подробностей стыдливо краснели.

В июне наступило настоящее лето. Так потеплело, что даже снег почти растаял, только в тени деревьев еще лежал неряшливыми кучами.

Извращенец куда-то пропал, может, потерял вдохновение, а может, уехал на гастроли в другие населенные пункты. Городок-то у нас маленький, публика одна и та же, может, захотелось свежего взгляда.

Мы с компанией подружек сидели в парке и, по традиции, лузгали семечки, покуривали сигареты и обсуждали, кто в чем пойдет на дискотеку в Дом пионеров. Решили, что все пойдут в коротких юбках, чтоб коллективно поразить в самое сердце модных парней в голубых джинсовых куртках и трико.

И в момент раздела этих самых парней сзади в кустах что-то хрустнуло, охнуло и рухнуло.

– Извращенец!!! – радостно завизжали мы на весь парк и вскочили с лавочки.

Под деревом, на нерастаявшем снегу лежал извращенец и держался за коленку. Это был точно он, потому что на нем был длинный бежевый плащ. Немного смущало, что торчащая из-под плаща коленка была обтянута брюками, а вокруг извращенца бегала собачонка.

– Дяденька, а вы тот самый извращенец? – задыхаясь от хохота, спросила Ирка, и нас сложило пополам от смеха. В тринадцать лет, знаете ли, палец покажи, и то смешно. А тут целый извращенец.

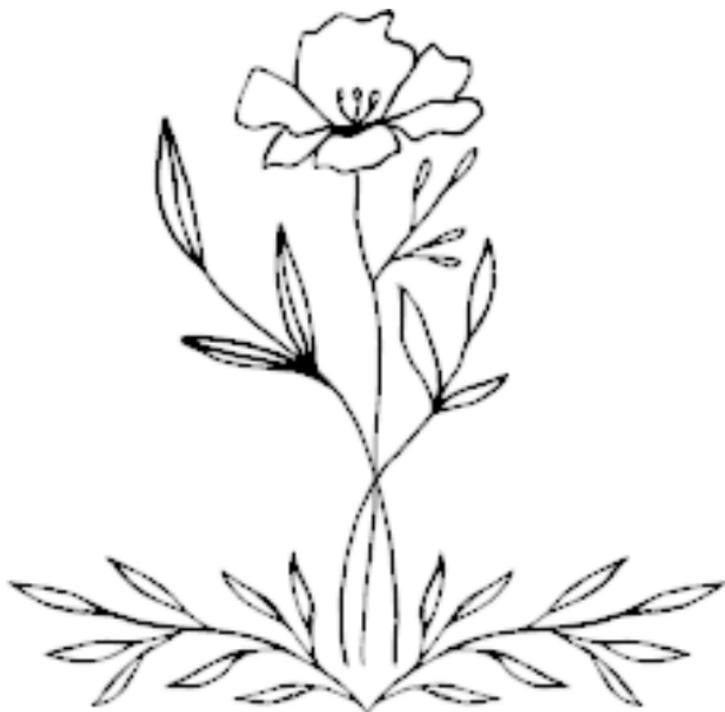
– Чтоооо??? Вот узнаю, где вы живете, пойду расскажу вашим родителям, что курите, – визгливо заорал извращенец, поднимаясь и отряхивая плащ. Поднял с земли очки и, прихрамывая, заковылял по тропинке по своим извращенским делам. Собачонка бежала следом.

А вечером на дискотеке, вращая глазами, мы рассказывали, как встретили того самого извращенца. В шляпе он хо-

дит, а не в капюшоне.

Но с тех пор его никто не видел.

Я скандалов не люблю!

Ирина – из тех неконфликтных людей, кому хлесткие, ставящие жирную точку в споре фразы приходят только в постели, перед сном. Там, лежа в темноте, мучаясь от бессонницы, она становилась похожей на главного героя индийского кино, который, пританцовывая, разбрасывал врагов одним мизинцем и уходил в закат, расправив плечи. Только Ира раскидывала обидчиков снисходительным искрометным юмором.

Но в жизни все было до обидного иначе.

Когда ремонтники, до сих пор делающие ремонт в ее новой двушке, нарушили все мыслимые и немыслимые сроки, Ира могла только хмурить брови. Она была слишком понимающей, всегда старалась войти в положение. Знала ведь, что с бригадиром нужно быть Немезидой, безжалостно карающей за любое нарушение, но у нее получалось только грозить пальчиком, как воспитательница малышковой группы.

Когда какой-то неприятный дядька въехал ей сзади в машину и начал орать на Иру, что это она, курица, виновата, права купила, еле едет, она только ошеломленно хлопала глазами. Хамство действовало на нее как удав на бандерлогов – парализовало.

Когда родная сестра за ее спиной уговорила их бабушку переписать квартиру только на себя одну, Ира, совершенно случайно узнав, ничего сестре не сказала, хотя ситуация очень ее задела. Да так больно, что Ира не стала ни с кем это обсуждать. Не могла.

Проще было считать это недоразумением, чем принять факт, что ее предала родная сестра. И что-то ведь потом с таким предательством нужно делать.

Ее с детства воспитывали быть для всех удобной.

– Тише, – говорили родители. – Не шуми, не бегай, не прыгай. Не плачь, не кричи, тебя никто не спрашивал, сиди молча, ничего не требуй.

Мать воспитывала их с сестрой в строгости, так как сама

не знала родительской ласки и тепла. Родители погибли, вырастила маму бездетная тетка, считавшая своей главной заботой, чтобы ребенок был сыт, одет и обут. Жили бедно, тетка много работала, не до нежностей. Мама выросла умной, целеустремленной, честной, трудолюбивой, а вот функция, ответственная за материнскую ласку и чуткость, после рождения детей у нее словно не включилась. Не то чтобы она была жестокой или злой, но всегда как будто отстраненная, всегда держала дистанцию, точно не мама, а воспитатель в детском саду.

Ира послушно росла тихой и удобной, а невысказанные, невыплаканные, невыкричанные эмоции – вместе с ней, внутри. И однажды перестали там помещаться.

Момент этот застал Иру врасплох. Может, груши были виноваты. Или кассир, упиравшаяся в кассу внушительной грудью, а в покупателей – недобрым взглядом из-под тяжелых век, переливающихся голубым перламутром. Словно телепортировалась из далекого северного городка в 1986 году, где так же недобро смотрела на маленькую девочку, у которой не хватило двух копеек на литр молока. То ли мама, оставляя деньги, обсчиталась, то ли Ира потеряла их по дороге в магазин. Молоко продавец тогда уже налила в эмалированный желтый бидончик.

– Молоко твое здесь подождет, а ты иди домой и принеси денежку, – убирая бидончик с прилавка, хмуро сказала продавец.

– Я не успею, мне еще сестру из садика забирать, – расплакалась тогда Ира, подумав о том, что потом еще сестре надо успеть кашу из этого молока сварить.

– Ну вот заберешь и придешь за своим молоком.

Какая-то женщина, стоявшая за девочкой, сжалилась и добавила две копейки. Продавец протянула бидон и, покачав головой, спросила:

– Небось, мороженое купила, вот и не хватило, да?

И, подняв глаза на женщину, сказала:

– Они через одного тут такие ходят, на мороженое и булочки деньги спустят, потом им на продукты не хватает.

Ира, задохнувшись от несправедливого обвинения, взяла бидон и тихо ответила:

– Я не покупала мороженое. И булочку не покупала.

Потому что мама всегда отставляет деньги только на продукты по списку, хотела добавить она, но ее уже никто не слушал.

– Вы груши не теми грушами завесили, – пробудил Иру от воспоминаний голос кассира.

– Что? – не сразу поняла Ира.

– Груши неправильно завесили. Эти дороже, а вы завесили теми, что подешевле, – отчеканила кассир.

Вообще-то покупать груши Ира не планировала. Забежала за хлебом, но как раз тогда, когда кассир предъявила обвинение, утрамбовывала хлеб в третий пакет размером с дом. Трехлетняя дочь активно помогала, чем заставляла Иру

нервничать: яйца хрупкие, нервы слабые.

– Я внимательно все проверила перед тем, как взвесить. И взвесила груши «Конференция» грушами «Конференция», – твердо ответила Ирина.

– Нет, это «Аббат», они дороже, – отрезала кассир и закатила глаза под перламутровые веки, всем своим видом намекая, что Ира как раз та нечестная гражданка, из-за которой терпит убытки их честный магазин.

Надо отметить, что систему работы супермаркетов Ира знала изнутри довольно-таки хорошо, так как много лет «поварилась» в ней товароведом и была в курсе того, что перепутанные ценники – явление более частое, чем нечестные покупатели.

О чем и поведала кассиру с непривычной для себя агрессией:

– Ценники нужно правильно развешивать, а не сваливать на покупателей свои недоработки!

Кассир громко вздохнула всем пятым размером и зычно позвала охрану:

– Вась, ты посмотри за ними, я пошла груши проверю.

Очередь тяжело вздохнула: хоть шоу и было интересным, но время дороже.

– Мам, а куда тетя пошла? Она на нас сердится? – заволновалась дочь.

– Она сердится, но не на нас. Не переживай.

– А на кого она сердится? – не унималась дочь.

– На жизнь, – вздохнула Ира.

Кассир вернулась, негодуя колыхая грудью:

– Это «Аббат»! Я их вам перевесила. Вы что, «Аббат» от «Конференции» отличить не можете?

– Я взяла груши из того ящика, на котором написано «Конференция». И взвесила их как «Конференцию». Зачем вы мне их перевешали другими грушами?

– Женщина, вы груши брать будете? Я пробиваю? – Кассир, надменно цокнув и поджав губы, обвела взглядом очередь, словно ища поддержки.

– Да, беру, но я вам устрою, совсем уже обнаглели! – визгливо ответила Ира, удивляясь сама себе.

Дальше у них случилась небольшая ненависть: кассир кидала продукты и презрительное «Женщина, успокойтесь!», а Ира, с пылающими щеками и радостно хватающей продукты дочерью, громко угрожала Роспотребнадзором и другими карательными органами.

Очередь наблюдала не дыша...

Надо было отказаться покупать эти «плоды раздора» сомнительной породы. Но Ира заплатила за все продукты, включая груши. А потом, одной рукой волоча приплясывающую дочь, а другой толкая неуправляемую телегу с тремя пакетами, пошла разбираться. Вопрос копеечный, но Иру было не остановить: все невысказанные миру обиды внезапно нашли воплощение в этих грушах.

Ира подошла к посту охранников и бросила нагруженную

тележку с таким лицом, что те даже не попытались предложить ей пройти со своими пакетами куда подальше, к шкафчикам, и там оставить на хранение. Схватила пакет с грушами, нашла администратора и устроила разборки. Потрясала пакетом с грушами и, брызгая слюной, орала. Впервые в жизни, не считая грудничкового возраста, орала в общественном месте.

Покупатели оглядывались, администратор заранее извинялась, а дочь от испуга гладила Ирину ногу, пытаясь хоть как-то успокоить мать. Оказалось, что ценники действительно были перепутаны, а бдительная кассир была права, верно опознав груши. Но супермаркет дорожит репутацией, поэтому и деньги за груши Ире вернули, и груши оставили.

Но ей этого было недостаточно, и она написала гневную эмоциональную жалобу на кассира в жалобную книгу, применив такие слова, как «хамка», «грубиянка» и «непрофессионализм».

А потом, посадив притихшую дочь в машину, разрыдалась. Всхлипывая и подвывая, кое-как справилась с застежкой на ремне детского кресла, как будто специально спроектированной так, чтобы добить вконец измотанные родительские нервы.

Села за руль, выдохнула и набрала номер сестры.

– Оль, привет, – прошептала срывающимся голосом.

– Привет.

– Скажи, почему?

– Ты о чем?

– Бабушка...

Повисло молчание.

– Как ты узнала?

– Разве это важно?

– Уже нет. Иначе я представляла наш разговор, но раз уж так вышло. Я за бабушкой ухаживаю, а ты по командировкам вечно. А у меня трое детей, Оль, муж ушел.

– Я тоже развелась.

– У тебя один ребенок, Ира. У меня трое. Ты квартиру купила, ремонт делаешь. Ты такая, Ир, зарабатываешь еще не одну квартиру. А я, ты знаешь, всегда буду позади тебя.

– Ты могла поговорить со мной, и все.

– Прости, Ир...

Потом Ира набрала номер бригадира ремонтной бригады и, не дав ему сказать и слова, поставила ультиматум: десять дней на окончание ремонта или прощаемся. Сделанные работы будут оплачены за минусом неустойки по срокам. А это значит, что ничего они не получают.

Так никуда и не отъехав, вышла из машины, отстегнула дочь и, взяв ее за руку, снова пошла к дверям магазина.

– Мама, мы опять в магазин? Зачем?

– За хорошим настроением.

– А оно продается?

– Оно дарится.

– А кто его нам подарит?

– Мы себе сами.

Ира подошла к кассиру, очередь к этому моменту уже вся рассосалась.

– Это вам, – Ира протянула пакет с грушами. – Угощайтесь.

Кассир настороженно смотрела то на Иру, то на пакет.

– Мы пришли дарить хорошее настроение! – звонко прошептала дочь.

Ира прошла к жалобной книге и, незаметно вырвав из нее страницу с жалобой, сложила ее в самолетик и отправила в невозможно синее летнее небо на радость дочери.

Саня, прекрати!

Александр Иванович любил пошутить, особенно над домочадцами. А домочадцы – две дочери Оля и Уля и жена Нина – посмеяться любят, но не все его шутки понимают. Что с них взять – женщины.

Любимая шутка Александра Ивановича была такая: налить в свою большую кружку горячего чая и, сделав зверское лицо, приложить кружку к голому плечу жены. Жена подыг-

рывала: вскрикивала, а потом они вместе смеялись.

Фокус был в том, что Александр Иванович, держа кружку, разворачивал руку так, что касался плеча жены тыльной стороной ладони, а не кружкой. Но дочери об этом не знали, а искренне верили, что маме смешно и весело, когда раскаленной кружкой к руке.

Куда уж им понять: Оле семь, Уле восемь лет, газ на плите уже включать научились, а выстраивать логические цепочки – нет.

Дело происходило в 1980-е годы, когда никаких микроволновок еще не было, а еду подогревали на плите. Вот ставят на нее дочери борщ в ковшике, чтоб всей семьей отобедать, а Нина рядом хлопочет, хлеб нарезает. И тут девочки вспомнили про замечательную папину шутку. И так им захотелось тоже маму рассмешить, чтоб она залилась своим звонким, как колокольчик, смехом.

Хихикая от предвкушения, Уля взяла ручку ковшика прихваткой, чтоб не обжечься (ковш-то горячий), и, улыбаясь, приложила его к руке матери.

Эффект был неожиданный и очень запоминающийся.

Нина дернулась и громко взвизгнула, Уля уронила ковш с борщом на пол, Оля заревела. Александр Иванович прибежал из зала в кухню и, поскользнувшись на борще, сильно ушиб копчик.

В конце, когда боль от ожога немного отпустила, Нина даже смеялась.

Ну и, конечно, виноват во всем был Александр Иванович. Потому что: «Саня, хватит уже шутки свои дурацкие шутить!»

– А чего это дурацкие? Нормальные шутки, – обижался Александр Иванович.

Обрежет, например, себе ногти на ногах, соберет обрезки в горсть и несет девочкам.

– Смотрите, как красиво просвечивают на солнце, надо вам?

– Саня, прекрати сейчас же! – бдит из кухни жена.

– А что, я ничего.

Или прибегут девочки с улицы в воскресенье Дисней-клуб смотреть. В то время мультики строго по расписанию были, а этот импортный клуб так вообще раз в неделю. Усядутся замороженно перед телевизором, чтоб ни единой секундочки из зрелища про Черного плаща или этих, бурундучков каких-то там, не пропустить.

И тут наступает выход Александра Ивановича. Он с серьезным видом берет газету и делает вид, что читает программу:

– Ой, девочки, а по другой программе сейчас выступает национальный ансамбль песни и пляски жителей Лаоса, я всю неделю ждал, переключаем!

Оля и Уля без раскачки в слезы, а жена, появившись в дверях кухни, раздраженно шипит:

– Саня, да сколько можно, прекрати!

– Да я ж пошутил просто, – невинно разводит руками Александр Иванович.

Или вот, болтает Уля по телефону. А она это дело страсть как любит, по два часа может аппарат занимать, и причем общается не с девочками, а с пацаном соседским.

Аппарат стоит в прихожей, прям возле туалета.

Александр Иванович пойдет в туалет и смывает долго, несколько раз. А потом выйдет и громко так скажет:

– Уля, ну все, я освободил туалет, беги скорее, пока штаны не испачкала.

Уля, бросив трубку, в слезы, жена в крик:

– Саня, да что ж такое!

Женщины, одним словом, шуток не понимают.

В одно понедельничное утро Александр Иванович проспал на работу, потому что очень поздно вернулся с рыбалки, вернее рано, под утро. Застряла машина, толкали. Нет бы приехать и спать лечь, но мешок рыбы же. Надо почистить, разделать и убрать в морозилку. К шести утра управился и лег на пару часов.

Жена ушла на работу рано, Оля в школе, дома только Уля, потому что со второй смены учится.

В сонной тишине квартиры заверещал телефон.

Уля бросилась к аппарату из своей комнаты, думая, что дружок ей звонит поболтать.

Вмиг проснувшись, Александр Иванович закричал ей вслед:

– Если меня, скажи, что папы нет дома!

– Хорошо! – крикнула на бегу дочь.

Схватила трубку и на прозвучавший в ней вопрос ответила:

– Папа говорит, что его нет дома! Да, пап?

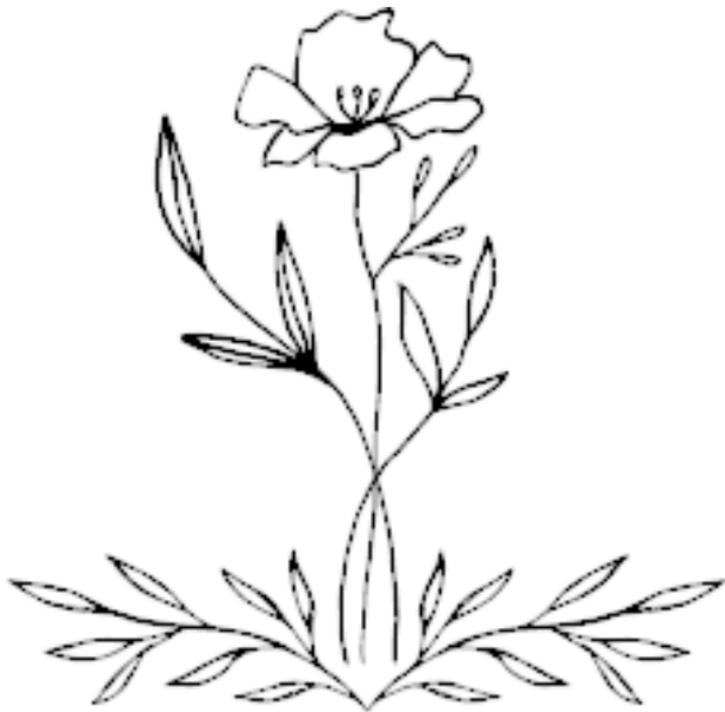
– Да, дочь, – покачав головой, ответил Александр Иванович. – Ну ты и шутница, вся в меня!

На работе тогда влепили строгий выговор, потому что пропустил какое-то важное собрание.

Прошло уже много лет, а Александр Иванович по-прежнему любит пошутить.

Приезжая в гости к дочерям, первым делом спрашивает у внуков, не нужны ли им эти прекрасные обрезки ногтей, ведь они так красиво просвечивают на солнце.

Тут такой случай был

У Элеоноры Владимировны невыносимо зудела нога. Если точнее – ступня, если еще точнее – обе. Игнорировать зуд было совершенно невозможно, но и чесаться уважаемой женщине, главному бухгалтеру, в кабинете, полном коллег, было недопустимо.

Она незаметно сняла туфли и, почесывая ступни о ножки стула, полезла в интернет за диагнозом. С первых же

строк всезнающая сеть, не щадя тонкой душевной организации бухгалтера, выдала неутешительный диагноз: «грибок».

Сразу подумала на бассейн. И хотя в силу брезгливости правила гигиены соблюдала неукоснительно, но грибок – такое дело, прибьется к ногам, и не заметишь.

Бассейн она посещала нечасто, последний раз была там месяц назад, так как спорт, конечно, должен присутствовать в жизни женщины, но без фанатизма. Доводить себя до кубиков на животе она ни в коем разе не планировала.

Получается, грибок целый месяц ничем не выдавал присутствия, а вот сегодня, когда она надела новые туфли... Новые туфли! Как раз на прошлой неделе купила.

Все сходится: какая-то обладательница грибка примеряла туфли до Элеоноры Владимировны, и вот результат.

Продолжив дальше изучать грибковую тему, женщина приуныла: интернет пугал безуспешностью лечения и фатальными последствиями.

– Сифилис и то лучше, – с некоторой обидой подумала Элеонора Владимировна. Чем конкретно он лучше, она не знала, зато знала, что сифилисом болели многие знаменитые люди, например, Христофор Колумб, Фридрих Ницше и Гиде Мопассан. Эдакая звездная болезнь. А грибком болеют только бомжи в подворотнях.

Не дай бог коллеги узнают, позорище!

– Девочки, я такие грибочки принесла!

Элеонора Владимировна вздрогнула и, торопливо закрыв

страницу поисковика, повернулась к компании коллег, собравшихся около одного из столов.

– Элеонора Владимировна, присоединяйтесь к дегустации. Свекровь приехала вчера, грибочков маринованных привезла, вкуснющие, закачаешься! Пробуйте, девочки, кому надо, рецептик дам.

У стола с грибочками образовалась толкучка бухгалтерских избылильных тел, кабинет наполнился сладострастными причмокиваниями и одобрительным мычанием.

Элеонора Владимировна надела туфли и вышла из кабинета. Спрятавшись в подсобке, среди ведер и пахнущих пылью тряпок, она звонила в клинику, чтобы записаться к платному дерматологу. Нужно было принимать срочные меры. За деньги и примут сразу, и вылечат быстро. А то пока к участковому дерматологу попадешь, вся грибком порастешь.

В одной из клиник согласились принять сегодня, у них как раз образовалось окошко, и Элеонора Владимировна, выдумав объяснение про забытый в квартире утюг, помчалась на прием.

Врач, внимательно выслушав пациентку, попросил предъявить грибок к осмотру.

Окинув ступни опытным взглядом грибника, доктор разочарованно хмыкнул и сказал, что никакого грибка нет.

– Как нет? – оскорбилась за свой грибок женщина. – А почему так чешется? Я уже и мазь от грибка купила.

– Да это дерматит. Бывает из-за обуви, вон у вас туфли с

искусственной стелькой, а сейчас жара стоит, возможно, из-за этого, – развел руками врач.

– Ну, может, все-таки возьмете анализ, соскоб или что там надо? – не готова была вот так просто расстаться с грибком женщина.

– Не нужен соскоб, я вам мазь выпишу, денька три помажете, и все пройдет.

Элеонора Владимировна вышла с приема, огорченная некомпетентностью платной медицины. Прочитав на табличке кабинета, что принимал ее кандидат медицинских наук, покачала головой:

– Кандидат называется, даже грибок диагностировать не может. Понакупают кандидатских, а люди потом с грибком мучаются.

Сверив еще раз диагноз в интернете – ну точно, грибок, Элеонора Владимировна поехала в платную лабораторию, чтобы там сделали анализ. И уж тогда она покажет этому кандидату, что нужно сделать с его кандидатской.

Лаборант, внимательно осмотрев ступню, поинтересовалась:

– А кто вас направил на анализ?

– А что? – замялась Элеонора Владимировна.

– Так у вас тут нет ничего.

– Да вы сговорились все что ли! Есть, нету! А вы все равно поскребите!

По пути домой Элеонора Владимировна купила на всякий

случай мазь, которую выписал врач. Дома намазала ноги и была несколько удивлена, что через минут тридцать ноги перестали зудеть. Но этому нашлось вполне логичное объяснение: дома полы прохладные, а грибок, конечно же, не любит холод. Кто его вообще любит, этот холод.

На следующее утро из лаборатории на электронную почту пришел результат соскоба, в котором почему-то большими буквами было написано: «НЕ ОБНАРУЖЕН».

– Не надо на меня кричать, я поняла, что грибка нет, – обиделась Элеонора Владимировна на лабораторию и, чувствуя необъяснимое разочарование во всей системе медицины, стала собираться на работу.

– Рецепт грибочков вчерашних нужно не забыть записать...

Левша

Сергей Халтурин сломал правую руку. Он был плотником, строил дома и, несмотря на фамилию, работу делал качественно и, что немаловажно, быстро. Зарабатывал хорошо, но, как и все сапожники, был без сапог: свой дом строился медленно, да и куда торопиться, есть же хорошая квартира. Правда, жена Сергея квартиру такой уж хорошей не считала и, бывало, вела себя не лучше, чем их бригадир Михалыч:

орала и топала ногами.

Сергей клятвенно пообещал ей достроить дом к осени, хотя его и раздражала ее настойчивость. И сама жена его раздражала, которая из некогда веселой хохотушки-красавицы превратилась в вечно недовольную жизнью мегеру. Всего ей было мало: то мужа, которого вечно нет, то денег, которых, на ее взгляд, тоже особо нет, но чаще и того, и другого. Сергей с годами понял одну мудрость: все женщины – как та старуха из сказки про золотую рыбку, им всегда мало.

Дом строил двухэтажный, просторный, кухня на рассвет, спальня на закат. Уйдет на пенсию, будет жарить шашлыки, пить пиво на террасе и любоваться видами.

В тот день, в субботу, Сергей работал на крыше своего дома без страховки, хотя обычно страховал себя тросом. Несколько раз спускался, забыв то одно, то другое, и в конце концов не пристегнулся – и вот результат. Потянулся за инструментом, нога подвернулась, и Сергей потерял равновесие. Во время падения в первую секунду время как будто замедлилось, давая возможность оценить обстановку и успеть уцепиться за что-нибудь. Словно в замедленном кадре голливудского фильма Сергей видел, как его рука с растопыренными пальцами прошла в миллиметре от бортика крыши, а дальше секунды спрессовались в одно мгновение. И вот он уже лежит на земле рядом с кучей стройматериалов. Боли не было, но, попытавшись подняться, почувствовал, что правой руки как будто нет. По ощущениям было похоже, что вместо

нее – мягкая лапа плюшевого медведя, на которую не обопрешься. Рука в локте не двигалась и была согнута под каким-то странным углом, хотя болела терпимо, несильно.

Потихоньку поднялся и пошел к машине. Нужно ехать в травмпункт. Вести машину одной левой сначала по ухабистой поселковой дороге, потом по трассе до города. Нахлынула злость на жену. Потому что торопила, подгоняла.

А ведь пятнадцать лет назад, когда он уводил ее от толпы женихов, казалось, что нежнее и красивее девушки нет на свете. А имя какое – Анастасия. Тихий голос, прозрачная кожа, голубые глаза, как бездонные озера, полные сладких обещаний, смотришь и тонешь в предвкушении. Настя... Все тонули, но только для него те обещания стали явью.

Она и сейчас красивая. Только в глазах вместо озер поблескивает сталь. Нырять не хочется.

По дороге в травмпункт рука распухла до самых пальцев, налилась синевой и начала ощутимо болеть. Хотелось позвонить жене и с чувством легкого злорадства рассказать, что стройка дома откладывается. Но одной рукой вести машину и разговаривать по телефону не получилось бы, поэтому Сергей стал думать о том, что делать дальше.

В понедельник нужно выходить на работу. Если не выйдет, Михалыч его убьет: на объекте горят сроки, а следом на очереди поджигает другой.

В травмпункте очередь была небольшая: бабуля с перевязанной кровавым бинтом рукой и пожилой мужчина, по ви-

ду бомж в грязной рубашке и черным от загара и пьянства лицом. Сергей подумал, что он выглядит ненамного лучше бомжа – футболка грязная после падения с крыши, щетина. Бабуля саданула себе ножом по руке, разделявая курицу, кровь никак не смогли остановить, внук привез в травмпункт. Бабушка хотела скорее вернуться к курице, Сергей мечтал, чтобы наложили какой-то такой гипс, который бы не мешал работе. А бомж – о больничной койке и перловом супе.

Посмотрев внимательно на рентгеновский снимок, врач в срочном порядке отправил Сергея в травматологическое отделение. Дело, сказал, серьезное, гипсом тут не отделаешься, связки порваны, смещение, нужна операция. Сергей, который последний раз был в больнице десять лет назад, на выписке жены из роддома, запаниковал. Его как-то мельком осмотрел врач в приемном покое, долго что-то набивал в компьютере и, ничего толком не объяснив, отправил в палату. Медсестра проводила Сергея до палаты, и он, потерянно сев на продавленную койку, уже без всякого раздражения, скорее даже виновато, позвонил жене.

Жена выехала с работы, по пути кому-то позвонив, с кем-то договорившись. Она обладала умением дружить с нужными людьми, да и сама была нужным человеком: много лет работала в налоговой, сделала там неплохую карьеру. Хотя зарабатывала немного, зато были связи.

К моменту, как она приехала, Андрея уже забрали на опе-

рацию.

Благодаря звонку нужным людям сделали все как надо, быстро и бесплатно: связки сшили, перелом зафиксировали, вставив спицы. Пожилой хирург Герман Владиславович, который делал операцию, считал все эти звонки лишними. Ну позвонил главврач в отделение, потому что ему тоже кто-то позвонил, а тому тоже кто-то. Зачем дергают занятых людей? Он бы сделал все точно так же и без всяких звонков, только без нервотрепки.

Руку он собрал и правда хорошо, лучше бы никто и не сделал. Любуясь своей работой на рентгеновском снимке, врач пообещал Сергею, что рука заживет, но нужно будет себя поберечь пару месяцев. Может быть, на море съездить, соленая вода полезна для костей.

Через два месяца нужно будет прийти к хирургу по месту жительства и снять спицы.

– А работать будет нормально, как раньше? Рука? – спросил Сергей.

– Должна, но не обязана, – усмехнулся хирург. – Я сделал все как положено, а там уже от тебя и от руки зависит. Гарантий в этом деле нет...

С содроганием Сергей думал о звонке Михалычу, в бригаде которого он уже лет десять строил дома. Тот был перфекционист, до каждого гвоздя докапывался. На века строил. И репутация соответствующая – простоев у бригады не было.

Бригадир, на удивление, воспринял спокойно. С участием

выспросил все подробности, пожелал скорейшего выздоровления и даже пообещал выплатить отпускные с больничным.

Сергей вспомнил об этой его особенности: мелкие неприятности выводили Михалыча из себя, его круглое лицо наливалось кровью, он безбожно матерился и орал, а вот в моменты настоящих проблем становился спокойным и благодушным. Из разговора Сергей сделал вывод, что его внезапный выход из строя стал для Михалыча серьезной проблемой. Это даже больше расстроило Сергея, он не любил подводить людей.

Первое время левой рукой управляться было сложно, но через неделю приноровился. Помощник из него по дому был никакой, но хотя бы себя полностью обслуживал, и то хорошо. Настя взяла отпуск на работе, переживала, что ему будет тяжело со сломанной рукой одному дома.

Впервые за много лет они так долго находились неразлучно рядом, и жена не раздражала. Смотрела мягко, сочувственно, ничего не требовала. А в глазах снова бездонные озера. И хотя со сломанной рукой было неудобно, но Сергей каждую ночь пылко любил жену. Он и раньше не отлынивал от супружеского долга, но исполнял обязанности буднично и по привычке. А сейчас было ощущение, что в скрипящем и заедающем семейном механизме что-то нужное встало на место, и закрутились шестеренки как новенькие.

Они с женой и раньше проводили время вместе, ездили в отпуска, но вечно куда-то спешили, что-то нужно было

успеть, куда-то попасть, что-то посмотреть.

А сейчас просто жили не торопясь. Готовили яичницу на завтрак, пили кофе на балконе, который был завален всяким хламом. Сергей давно обещал разобрать. Настя даже пилить его по этому поводу перестала.

– Вот, ты перестала пилить, и я все разобрал, – смеясь, сказал Сергей, после того как почти весь день возился с коробками и мешками на балконе.

Одной рукой было, как говорится, не с руки, но потихоньку управился и стащил в прихожку кучу коробок и мешков на выброс. Сашка потом утащит с пацанами на мусорку.

Два месяца пролетели незаметно, и вот уже пришло время снимать спицы. По месту прописки хирургом оказался совсем молодой парень, наверное, только после института.

Врач прочитал направление, которое выдали при выписке из больницы, и куда-то вышел из кабинета, попросив подождать. Наверное, за инструментами побегал, подумал Сергей. Он смутно представлял, как снимаются спицы, но предполагал, что нужны какие-то специальные инструменты. Врач вернулся минут через пять и сказал прийти снова через две недели. Сейчас снимать еще рано.

Сергея царапнуло воспоминание: хирург, оперировавший его, заострил внимание на том, что снять спицы нужно через два месяца, не позже. Но Сергей подавил сомнения и не стал спорить, он верил врачам.

Так же как люди верили ему, когда он строил дом. И очень

раздражали советы и недоверие тех, кто в этом ничего не понимает. Он знает, что делать, он специалист. Врач тоже знает, он специалист. Вышел из больницы расстроенный, потому что надеялся, что после снятия гипса сможет выйти на работу.

Внезапно свалившееся свободное время тяготило. Сергею нравилось работать, видеть результаты своих трудов, а с одной рукой он даже обед толком приготовить не может, а читать или смотреть телевизор он не любил. Нужно было что-то делать – строить, чинить. А это малоподвижное сидение дома казалось похожим на репетицию старости, когда только и делаешь, что сидишь в четырех стенах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.